

Борис Левандовский

Бабуля

Город одиноких

Борис Левандовский

Бабуля

«Автор»

Левандовский Б.

Бабуля / Б. Левандовский — «Автор», — (Город одиноких)

© Левандовский Б.

© Автор

Борис Левандовский

Бабуля

– Лиза! – требовательно задребезжало из комнаты раздраженным фальцетом.

Была середина немного облачного летнего дня, освещавшего сквозь расшторенные окна скромную однокомнатную квартиру, обставленную старой разношерстной мебелью; уличный свет контрастно подчеркивал все шероховатости выцветших обоев с незатейливым рисунком, некогда бывших салатными, и облупившиеся места на давно не беленом потолке. На подоконнике одиноко возвышался большой глиняный горшок с засохшим растением, тянущим в сторону окна чахлый стебель. Вокруг трехрожковой люстры, басисто жужжа, вибрировала толстая зеленая муха.

– Ли-иза-а! – повторил спустя секунду тот же старушечий голос, словно ожидал немедленного исполнения *всех* желаний. – Ты ждешь, пока я сдохну от голода?

– Уже... – в комнату вошла худощавая девушка с бледным анемичным лицом, одетая в домашний халат, неся из кухни поднос с двумя тарелками, чашкой горячего чая и несколькими кусочками черного хлеба. – Уже, бабуля...

Она помогла сесть лежавшей в кровати старухе. Устроившись, та стрельнула злыми глазами, заглянула в поднос с обедом и скептически поджала тонкие морщинистые губы. Но затем все же взяла ложку и начала есть.

Когда бабуля потянулась за хлебом, девушка поспешила на кухню, не дожидаясь, пока та опять заговорит.

Лиза всегда обращалась к ней «бабуля». Не потому, что не знала других форм этого слова, – просто не могла сказать *бабушка*. Так сложилось: для Лизы *бабуля* и *бабушка* обладали совершенно несхожим смыслом, словно в этих словах заключалось даже... противоположное значение – как у одного и того же числа, только с обратным знаком. *Ее* бабуля не вязалась в сознании девушки с тем наивно картинным образом доброжелательных улыбчивых *бабушек*, которые лелеют внуков с самых пеленок, а спустя несколько лет (дождавшись, когда те достаточно подрастут, – а дальше уже безо всяких ограничений в годах) балуют аппетитными сдобными пирожками. И так далее... Сколько Лиза помнила себя, бабуля была вечно больной, злобно ворчащей на всех, кто находился рядом, и никогда не улыбалась. *Никогда*. Возможно даже, у нее отсутствовали необходимые для этого мышцы лица или давно атрофировались за ненадобностью. Бабуля была всецело убеждена (либо... только делала вид? – иногда подозревала Лиза), что главная цель окружающих «загнать ее пораньше в гроб», потому что *все желают ее смерти*. И постоянно об этом говорила. Однажды, когда Лиза училась в пятом классе, у бабули случилось несварение желудка, и та позвонила в милицию, заявив, что ее пытались отравить.

Еще в те времена, когда бабуля могла самостоятельно выбираться из квартиры, ей почти что удалось убедить некоторых соседей в том, что ее дочь и даже маленькая внучка делают все возможное, чтобы спровадить ее на тот свет, «беспомощную пожилую женщину», обвиняя мать Лизы и саму девушку в немислимых преступлениях.

Вдобавок, бабуле никогда и ни в чем нельзя было угодить (встречался ли старухе вообще хоть один человек?.. – думала Лиза), и дом ежедневно десятки раз сотрясался от ее проклятий. Их однокомнатная квартира слышала столько проклятий бабули, что, обладай те реальной силой, хватило бы с лихвой, чтобы сжить со свету целый город. А вот цветы не желали расти, словно чувствуя ядовитую атмосферу их жилища. Факт: они с мамой не раз пытались развести зелень, но не проходило и двух-трех дней, как листья жухли, и растения засыхали. Даже на балконе.

Вернувшись на кухню и начав готовить себе, – так всегда: сначала для бабули, потом для себя (чему-чему, кстати, а аппетиту бабули мог бы позавидовать и совершенно здоровый человек), – Лиза вспомнила маму. К горлу привычно подступил горький ком: бедная мама, она так и утонула, ухаживая за своей вечно больной матерью, безропотно перенося все ее выходки и прихоти, отдав старухе последние силы. И *ни разу*, до памятного дня, не ответив на ее беспрерывные упреки. «Кроме вас двоих, у меня никого больше нет...» – говорила мама, встречаясь взглядами с Лизой в самые невыносимые моменты. Она старела прямо на глазах, будто существовала в каком-то собственном времени, – особенно это стало заметно после того, как бабуля почти перестала ходить.

Тогда они жили втроем, если, конечно, подобный кошмар стоило именовать жизнью. Отца с ними не было, – собственно, Лиза его вообще никогда не видела; по словам матери, он был первой и последней ошибкой ее молодости. Став старше, Лиза случайно узнала, что роковую роль в отношениях родителей сыграла бабуля. Возможно, выйди мама вторично замуж, у них в семье все сложилось бы по-другому, но...

Разве бабуля, сделав себя Центром маминой жизни, могла допустить подобное непотребство?

... Четыре года назад мама умерла, буквально свалившись у постели бабули. Едва осознав, что произошло, Лиза чуть не всадила большой кухонный нож в сердце этого упыря, коим ей представлялась старуха. Но вовремя опомнилась.

Она только окончила среднюю школу, подала документы на поступление в университет... но вместо факультета журналистики заняла мамино место поклонения *идолу*. Потом устроилась на неполный рабочий день уборщицей в государственную контору недалеко от их дома и начала жить ради бабули.

Уже через несколько месяцев она растеряла всех подруг; они превратились в просто знакомых, с которыми здороваются мельком, случайно столкнувшись на улице, и тут же расходятся каждый своей дорогой.

Примерно так прошли последние четыре года ее жизни. За все это время Лиза всего несколько раз покидала свой микрорайон. Мир как в ужасном сне сузился до размеров одной их улицы, где она жила, работала через полтора квартала от дома и ходила в магазин за покупками. Не потому, что не хотела появляться в городе, хотя бы раз в месяц позволить себе сходить в кино или посидеть в кафе с кем-нибудь из старых подруг (либо, к примеру, начать встречаться с парнем – многие ее ровесницы уже давным-давно замужем, нянчат собственных детей, – «а не бабу-вампира, ха-ха!...»). Однако сейчас она могла обо всем этом только мечтать, засыпая в постели, – дело в том, что она просто не могла оставить бабулю надолго *одну*.

Кроме того, бабуля забирала все заработанные Лизой деньги и прятала вместе со своей пенсией под матрасом кровати, с которой почти не вставала. Выдавала всегда сама, планируя расходы без участия внучки, и только на самое необходимое. Потом скрупулезно подсчитывала сдачу и постоянно ворчала, что Лиза ее обманывает. Такие понятия как инфляция, рост цен и прочее – для старухи были завыванием ветра в чердачном окне, и Лиза давно махнула на это рукой.

Вот и все. Бабуля, бабуля, бабуля... И ни единого *спасибо* за эти четыре года. У нее не было бабушки, у нее – *бабуля*.

– Пойди сюда! Сколько раз я должна *повторять*?!

Отодвинув тарелку, к которой едва успела притронуться, Лиза поспешила в комнату, гадая, какое именно из обеденных блюд пришлось не по вкусу старухе сегодня.

– Вашей светлости требуется особое приглашение? – глаза бабули сузились в две узкие щелки, полные обвислые щеки, когда она говорила, тряслись и багровели как бородашка разъяренного индюка.

– Разве ты уже звала? Я не...

– Я что, по-твоему, – дура? – колыхнулись «индюшьи бородки».

Лиза заведомо знала – спорить бесполезно.

«Может, она действительно звала, а я просто о чем-то задумалась?» – когда из тебя постоянно делают чучело, со временем поневоле начинаешь сомневаться...

Девушка приняла поднос с грязной посудой и направилась в кухню.

– ЛИЗКА! – рявкнула старуха, лишь та успела скрыться в коридоре.

Лиза оставила поднос с посудой на кухонном столе и снова вернулась в комнату, чувствуя, как изнутри поднимается давно сдерживаемое бешенство.

– Что?

– Что – «что»? – пискляво передразнила бабуля. – Тебе только бы скорее отделаться от меня... – и добавила шепотом одно из своих излюбленных ругательств, но Лиза все равно уловила. – Научись выслушивать до конца, я еще не все успела сказать. Муха... Она мне мешает... да прогони же ее! Чего вытаращилась?!

Лиза одернула в сторону тюль с окна, открывая свободный доступ к форточке, сняла тапочек и шагнула к мухе, которая в тот момент устроилась на дверце шкафа, наблюдая, когда же наконец эти двое – молодая и старуха – перегрызут друг другу глотки, и кто получит главный приз. Ставки растут, господа!

– Ты собираешься всю мебель разломать?! – багровые дряблые щеки, казалось, вот-вот сорвутся вниз, и на пол выплеснутся два ядовитых потока. – Руками!.. Или сверни газету!

Газет в доме не было, и старуха об этом прекрасно знала; их не покупали из экономии, даже тех, где печаталась программа телевидения. Телевизора, впрочем, тоже не было, – вернее, когда-то был, но сломался и уже лет пять покоился в подвале: бабуля его никогда не любила.

– ...мне назло!

Лиза вспомнила, что иногда к ним в почтовый ящик забрасывают бесплатные рекламные листки. Но вдруг ей стало безразлично. Совершенно.

– ...блядь! Сколько мне еще нужно пов...

Она надела тапок и прямо посмотрела на бабулю: «Твое счастье, старая сука, что однажды я имела великую глупость поклясться маме: если с ней когда-либо что-то случится, то ты не отправишься в богадельню, где за один день от твоей спеси не осталось бы и следа, или же тебя придушил бы кто-нибудь из персонала. Твой счастливый билет, старая ведьма, что... мамы не стало уже на следующий день. Но, видит Бог, я давно близка, чтобы нарушить даже *такую* клятву».

– Хватит. – Удивительно спокойно произнесла Лиза, вынудив бабулю осечься на полуслове. – Вылетит сама. У меня еще масса важных дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.